

НАСЛЕДИЕ ВЗРЫВА.
— ПРОТИВОРЕЧИЕ —

18+

А. Т

Наследие взрыва. Противоречие

«Автор»

2026

Т А.

Наследие взрыва. Противоречие / А. Т — «Автор», 2026

Катастрофа давно закончилась. Но её наследие продолжает менять тех, кто выжил. Одних оно превратило в оружие. Других в надзирателей. Третьих в тех, кого проще спрятать, чем признать частью мира. После событий, разрушивших привычные границы, становится ясно: прежняя система держалась не только на страхе. Она держалась на молчании тех, кто знал слишком много. Теперь молчание заканчивается. Но правда оказывается опаснее лжи. Она не освобождает сразу. Она ломает, сталкивает людей друг с другом и заставляет выбирать там, где правильного выбора не существует. Потому что иногда чудовище - не тот, кто потерял человечность. Иногда чудовище - тот, кто научился объяснять её потерю необходимостью.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

А. Т

Наследие взрыва. Противоречие

Глава 1

Несколько секунд после этого слова никто не двигался. Оно было слишком простым для места, где вокруг стояли стеклянные отсеки, внутренние посты, люди с оружием за дверями и правила, запрещающие говорить настоящие имена тем, кто мог от них сорваться. Оно не подходило к холодному свету закрытой зоны, к зелёным показателям на панели, к запаху фильтров и антисептика, к лицам отряда, который ещё час назад смотрел на М-6 как на задачу, а теперь стоял рядом с чужой семейной катастрофой и не знал, куда деть глаза. Карма произнесла «мама» так тихо, что это слово должно было утонуть в гуле вентиляции, но оно не утонуло. Оно осталось висеть между ними плотнее любого приказа. Женщина напротив — живая, усталая, с сединой у висков, в сером халате закрытого блока, с бейджем внутреннего доступа и следом маски на лице — сделала ещё один шаг, но остановилась раньше, чем расстояние стало слишком коротким. Она смотрела на Карму так, будто боялась не поверить и тем самым потерять её второй раз. И в этом взгляде, в этой остановке на расстоянии вытянутой руки, было всё сразу: месяц, которого у них не было; звонок, который так и не случился; сообщение, оставленное в телефоне перед тем, как мир перестал отвечать; старое имя, произнесённое по привычке; новое имя, о котором мать ещё не знала.

Сола первой пришла в себя. Она не повысила голос и не сделала резкого движения, но ладонь её легла на панель у двери так, что все сразу вспомнили: закрытая зона остаётся закрытой зоной, даже если внутри неё вдруг находится мать человека, которого считали невозможным. Лиора стояла рядом очень бледная, пальцы у неё были сцеплены перед собой, и мягкость её лица стала другой — не исчезла, а будто сжалась, оставив только профессиональную часть. Эден смотрел на Карму, потом на женщину в халате, и в его спокойствии появилась первая настоящая трещина. Он знал, кто работает в закрытом блоке. Он знал, что Лидия — если Карма правильно помнила имя, хотя сейчас память была не списком, а разорванной тканью, — пришла в М-6 не вчера и не случайно. Но он, кажется, не знал, что эта встреча произойдёт именно так, при отряде Р-12, при Викторе, Агате, Мире, Кае, Ровене, Леоне и Оскаре, в коридоре, где рядом за стеклом люди ходили по кругу и повторяли движения своей потери. Это было слишком личное для места, которое всё время пыталось удержать личное за перегородкой, чтобы оно не мешало решениям.

Виктор оказался самым неподвижным из всех. Он не вмешался сразу, хотя Карма почти ждала его голоса: ровного, собирающего, возвращающего ситуацию к управляемости. Но он молчал, и это молчание было решением. Агата стояла чуть сбоку, рука у неё была не на оружии — оружия у них всё равно не было, — но положение плеч говорило достаточно ясно: если кто-то из М-6 попытается отвести Карму силой, спор станет другим. Оскар смотрел на женщину в халате так, будто пытался сопоставить её с Кармой и не понимал, как в одном коридоре могут встретиться такие разные доказательства того, что мир всё ещё умеет возвращать людей неправильно. Леон опустил взгляд, оставляя им хотя бы остаток пространства, и от этого жеста Карма вдруг почувствовала к нему почти болезненную благодарность. Кай стоял с открытым ртом, но, к его чести, не сказал ничего, даже шутки; техническая картина мира действительно закончилась где-то между словом «мама» и женщиной, которая его услышала. Мира смотрела на Карму уже не так, как утром, не с раздражением и не с готовностью встретить срыв. В её лице было то самое знание, которое бывает у людей, слишком хорошо понимающих цену случайно найденного живого.

Женщина медленно опустила набор датчиков на ближайшую металлическую стойку. Пальцы её дрожали совсем немного, но Карма заметила, потому что эти пальцы она помнила лучше собственного почерка: они застёгивали ей куртку в детстве, держали кружку с чаем на кухне, коротко касались виска, когда мама проверяла температуру, и однажды, перед самым последним днём старого мира, застегнули серебристый браслет на её запястье, сказав странную фразу про вещи, которые должны быть рядом. Теперь на запястье ничего не было, только кожа, уже много раз очищенная новой регенерацией от любых следов. Женщина подняла руки ещё выше, показывая Соле и всем остальным, что не будет делать резких движений, и только после этого сказала:

— Тая, можно?

Карма едва не шагнула вперёд сразу, потому что старое имя вошло в неё не болью даже, а чужим ключом, который вдруг провернули в замке, давно считавшемся заваренным. Но она остановилась. Это имя принадлежало человеку, который смахивал сообщения, не звонил, обещал себе завтра, раздражался от мамино «как ты» и считал, что близость — это то, что можно отложить до удобного состояния. Это имя было живым, но слишком тяжёлым. Карма подняла глаза на мать и заставила себя сказать то, что ещё несколько секунд назад казалось невозможным произнести именно ей:

— Меня теперь зовут Карма. Только так.

Женщина застыла. Не обиделась — это было бы легче. Не возмутилась, не сказала «для меня ты всегда», не попыталась вернуть право матери назвать дочь тем именем, которое дала когда-то сама. Она просто приняла удар молча, и по лицу её прошло что-то быстрое, почти незаметное, как тень от облака по воде. Потом она кивнула. Один раз. Медленно.

— Хорошо, — сказала она. — Карма.

Имя в её голосе прозвучало непривычно. Неровно. Но прозвучало. И от этого Карме стало труднее стоять, чем от любого вопроса в Р-12. Потому что Альберт называл её Кармой как строку в деле, Виктор — как договор, Стефан — как человека, которого нельзя пока назвать ближе, Мира — как угрозу с лицом, Кай — как странность, которой можно улыбнуться. Мама произнесла это имя впервые так, будто не забирала у неё старое, а осторожно училась держать новое, не ломая его пальцами. Карма шагнула вперёд. Медленно, как велела Сола, хотя теперь причина была не в правилах. Женщина сделала последний шаг навстречу, и когда они наконец оказались достаточно близко, Карма не знала, можно ли обнять человека в закрытом блоке, можно ли касаться рабочей формы, маски, халата, рук, которые только что были рядом с постконтактными пациентами. Мама решила за неё, но так, как решают не приказом, а телом: осторожно положила ладони ей на плечи, посмотрела в лицо, будто проверяла, не исчезнет ли оно при касании, и только потом обняла.

Объятие оказалось не таким, каким Карма представляла его в те редкие минуты, когда позволяла себе думать о маме живой. Не спасительным, не громким, не таким, после которого всё прошлое складывается обратно в правильную форму. Мама пахла антисептиком, тканью защитного халата, усталостью закрытых смен и чем-то почти неуловимым старым — кремом для рук, который она покупала всегда один и тот же, потому что «если вещь нормальная, зачем менять». Карма уткнулась лицом ей в плечо и на мгновение перестала видеть коридор, отряд, Эдена, панели, стекло, М-6, Р-12, Вольных и всё, что успело стать слишком большим. Тело не разрыдалось, как должно было бы. Оно снова держалось слишком правильно, слишком аккуратно, но где-то внутри одна сухая, мёртвая часть наконец дала трещину, и через неё не потекли слёзы — только воздух. Карма впервые за долгое время смогла вдохнуть так, будто воздух предназначался не для выживания, а для неё.

— Мне нужно вывести их из прохода, — тихо сказала Сола, уже не резко, но настойчиво. — Лидия, ты понимаешь.

Лидия. Имя встало на место окончательно. Мама которая умела тревожиться короткими сообщениями, держать дом в состоянии тёплой строгости, молчать слишком долго, когда было больно, и говорить «я просто хотела узнать, как ты» так, будто в этих словах прятала целое письмо. Карма отстранилась не сразу. Лидия тоже не отпустила полностью — руки остались у неё на предплечьях, почти профессионально, как у человека, который не только обнимает, но и проверяет, целы ли кости, ровное ли дыхание, не дрожит ли кожа. Потом она заметила тонкую царапину на костяшке Кармы, оставленную, вероятно, не боем, а собственными ногтями, когда та сжимала кулак в коридоре. Царапина уже должна была закрыться сама, но почему-то держалась красной полоской — возможно, тело Кармы наконец решило оставить хотя бы одно доказательство сегодняшнего дня. Лидия взяла её руку в свои ладони.

— Можно? — спросила она.

Карма не сразу поняла, о чём речь. Потом увидела, как под пальцами Лидии появилось слабое тёплое свечение, не яркое, не серебристое, не похожее на её собственную силу. Оно было почти телесным, мягким, золотистым, как свет маленькой лампы под ладонью. Кожа вокруг царапины зашипала, края сошлись, краснота побледнела, а через несколько секунд на месте пореза осталась только тонкая светлая линия, которая тоже начала исчезать.

— Ты тоже адаптированная, — сказала Карма.

— Да, — ответила Лидия. — Регенеративный подтип. Лёгкий, как они говорят. У себя заживляю быстрее обычного. У других — если рана не слишком глубокая и если человек ещё держится. Я не возвращаю мёртвых, не собираю заново разрушенные органы, не делаю чудес. Просто помогаю телу вспомнить, как закрываться.

— Просто, — повторила Карма, глядя на исчезнувшую царапину.

Лидия чуть сжала её пальцы.

— После всего, что ты, кажется, уже умеешь, это правда почти просто.

В этой фразе не было восхищения. И слава богу. Карма уже устала от людей, которые смотрели на её силу снизу вверх или с расстояния, как на пожар, полезный до тех пор, пока он горит в нужной стороне. Мама смотрела иначе: она видела не барьер над Р-12, не слухи о голосовой адаптации, не отчёты, которые наверняка уже дошли до М-6 через какие-то свои каналы. Она видела лицо дочери. И от этого Карме хотелось одновременно остаться рядом и отступить на несколько шагов, потому что быть увиденной так близко оказалось опаснее, чем стоять перед Иным.

Эден подошёл ближе, но остановился на расстоянии, которое теперь казалось здесь главным языком уважения. Он выглядел собранным, но без прежней ровной уверенности. В М-6 Карму приняли осторожно, как гостью отряда Р-12, как непонятную сильную адаптированную, как человека, чьё имя уже могло ходить слухами даже за пределами контуров. Но теперь что-то изменилось. Несколько сотрудников закрытого блока, стоявшие у служебного шлюза, смотрели на неё уже не только как на внешнюю. В их взглядах появилось узнавание другого порядка: не «та самая из Р-12», а «дочь Лидии». И это, как ни странно, делало её не менее опасной, но немного менее чужой. Сола убрала руку с панели. Лиора выдохнула так, будто тоже держала дыхание весь последний разговор.

— Мы перейдём в боковую комнату, — сказал Эден. — Закрытый блок не место для семейного разговора. Лидия, смену с тебя снимут на час. Больше пока не обещаю.

— Мне хватит, — сказала Лидия, не отводя глаз от Кармы.

— Отряду? — спросил Виктор.

Эден повернулся к нему.

— Вы можете присутствовать в соседней комнате, если Карма захочет. Или подождать в общем зале блока. Здесь не будет допроса.

— Не вам решать, будет ли это допрос, — ответил Виктор спокойно.

Лидия впервые посмотрела на него внимательно, и Карма заметила, как быстро мама собрала его в голове: возраст, поза, голос, положение рядом с отрядом, влияние на Карму, опасность. Эта привычка у неё была всегда. В старом мире она так смотрела на врачей, мастеров, соседей, мужчин у подъезда, начальников коммунальной службы и всех, кто пытался говорить с ней слишком уверенно. Мир изменился, а этот взгляд остался.

— А вы? — спросила Лидия. — Кем вы ей приходитеесь?

Виктор не удивился.

— Капитан её отряда на время выхода. Мы пришли сюда вместе из Р-12.

— Она не вещь, чтобы приходиться отряду.

Карма чуть не усмехнулась. Вот она. Мама. Та самая, которая могла одним тихим предложением сделать разговор неудобным для человека, уверенного, что он уже выбрал правильную формулировку. Виктор выдержал её взгляд.

— Я знаю.

— Хорошо, — сказала Лидия. — Тогда не отвечайте за неё, если она может ответить сама.

В комнате стало чуть теплее или Карме показалось. Агата, стоявшая рядом, опустила взгляд к полу, и в этом движении Карма уловила почти одобрение. Оскар хмыкнул себе под нос, но не грубо. Леон смотрел на Лидию с уважением, которое появилось у него быстро и без лишних слов. Кай, кажется, с огромным трудом удерживался от комментария, и это молчание было почти подвигом. Мира не улыбалась, но её лицо смягчилось в той степени, в какой Мира вообще позволяла лицу что-то признавать. Для отряда эта встреча тоже меняла Карму. Утром она была новой проблемой Виктора, вчера — спасительницей Р-12, на дороге — голосом, который учится удерживать бетон. Теперь она стала чьей-то дочерью. Не символом, не ресурсом, не барьером, а человеком, которого кто-то искал, оплакивал и назвал старым именем раньше, чем успел понять, что старое имя больше нельзя использовать.

Боковая комната оказалась маленькой, с тремя стульями, узким столом, старым умывальником и окном, выходящим не наружу, а в технический коридор. На стене висела доска с расписанием смен закрытого блока, рядом стояли чашки, пачка чая, коробка с сухими галетами и маленькая банка крема для рук. Лидия машинально взяла эту банку, открыла крышку, потом, кажется, поняла, что делает, и поставила обратно. Карма заметила жест и почувствовала, как что-то внутри снова дёрнулось: мама всегда мазала руки после работы, даже если работа заключалась в том, чтобы вымыть посуду, разобрать аптечку или весь вечер сидеть над документами. Теперь её работа была за стеклом, рядом с людьми, которые держались за край сознания. И она всё равно оставляла крем на столе.

Эден хотел остаться, но Лидия посмотрела на него так, что он передумал раньше, чем произнёс хоть слово. Сола сказала, что будет за дверь. Виктор задержался на пороге и посмотрел на Карму, ожидая не приказа и не формального согласия, а простого человеческого ответа.

— Я останусь рядом, если нужно, — сказал он.

Карма посмотрела на мать, потом на Виктора. Ей вдруг стало ясно, что если он останется, разговор будет другим. Не хуже, не лучше — просто другим. Виктор будет слушать не только как человек, который вывел её из пустого города, но и как капитан отряда, как представитель Р-12, как тот, кто всегда читает условия сделки. А сейчас ей нужно было не читать условия. Ей нужно было наконец сказать то, что не помещалось ни в один протокол.

— Нет, — сказала она. — Я сама.

Виктор кивнул. На его лице не было обиды. Он закрыл дверь за собой, и Карма осталась с Лидией в маленькой комнате, где пахло чаем, кремом для рук и закрытым блоком. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. На расстоянии стола всё стало почти невыносимо обычным: две женщины, одна старше, другая моложе, обе слишком уставшие, обе не знающие, как начать разговор, который должен был случиться месяц назад по телефону и не случился.

— Тая — начала Лидия и остановилась сама. Закрыла глаза на секунду. — Карма. Прости.

От этого исправления у Кармы заньюло под рёбрами. Не болью, которую можно заживить, а чем-то старым, домашним, давно заброшенным.

— Не сразу получится, — сказала она.

— Получится, — ответила Лидия. — Если ты сказала, значит, так надо.

Карма села на стул, потому что стоять дальше было невозможно, хотя ноги не дрожали и тело снова могло бы выдержать ещё сколько угодно. Лидия села напротив, но не потянулась через стол. И Карма была благодарна ей за это почти так же сильно, как за объятие. Прикасаться сейчас было слишком много. Не прикасаться совсем — слишком мало. Между ними лежал стол, и на нём наконец появилось место для слов.

— Как ты здесь оказалась? — спросила Карма. Голос звучал ровнее, чем она ожидала. Наверное, юридическая привычка начинать с фактов пережила даже встречу с матерью. — Ты должна была быть дома. Или я не знаю. Я думала, ты дома. Я пыталась придумать, как до тебя добраться, но потом всё стало — Она не закончила. Слово «всё» в их мире стало слишком большим.

Лидия сложила руки на столе. На костяшках у неё были мелкие шрамы, часть свежих, часть старых. Некоторые уже почти исчезли; регенерация, видимо, работала и у неё, но не стирала всё подчистую, как тело Кармы. В этом почему-то было больше честности.

— Я не была дома, — сказала Лидия. — В тот день меня вызвали сюда, в М-6. Ещё до Разрыва. Официально — временная медицинская консультация по резервному блоку. Не спрашивай, как это называлось в документах, там было столько слов, что за ними можно было спрятать любую беду. Я раньше работала с реабилитацией, помнишь? После больницы, до того как ушла в частную практику. У меня остались знакомые в старой сети медицинских объектов, и за день до запуска мне позвонила Олеся из М-6. Сказала, что ожидаются перегрузки, что им нужны люди с опытом стабилизации пациентов после энергетических аварий. Тогда это звучало не как конец света. Просто как странный срочный вызов. Я хотела отказаться.

— Но не отказалась.

— Нет. Потому что она сказала: «Если рядом есть близкие, предупреди, чтобы не ездили к северу и держали связь». Я не поняла, насколько это серьёзно, но мне стало не по себе. Я написала тебе. Ты не ответила. Потом ещё раз. Потом уже отсюда, перед ночной сменой, отправила: «Позвони мне, как сможешь». Связь рвалась. Я думала, утром дозвонюсь сама.

Карма опустила взгляд на свои руки. Они лежали на столе спокойно, как чужие. Она помнила тот экран. Помнила, как смахнула сообщение. Помнила, как Тина сказала: «Позвони ей завтра». Завтра не пришло в том виде, в каком его обещали люди.

— Я видела, — сказала Карма. — Сообщение. В такси. Потом дома. Я не позвонила.

— Я знаю.

— Нет, — Карма подняла глаза. — Ты не знаешь. Я не просто не успела. Я не хотела. Мне было неудобно, тяжело, я устала, я подумала, что опять придётся объяснять, как я, а я не знала, как я. Я смахнула первое сообщение. Второе оставила на потом. А потом потом уже не было потом. Прости.

Лидия смотрела на неё очень тихо. Не перебивала, не говорила «ничего страшного», не спасала её от сказанного. И это было правильно, хотя Карме хотелось, чтобы мама спасла. Как раньше, когда можно было испортить что-то меньше мира, прийти на кухню злая, молчать, пока чайник шумит, и ждать, что мама первая найдёт нормальную форму для разговора.

— Я тоже была тяжёлой, — сказала Лидия. — До Разрыва. Я писала тебе так, будто ты обязана отвечать правильно. Не спрашивала, хочешь ли ты говорить. Не умела сказать: мне страшно за тебя, не прячься. Вместо этого писала: «Ты опять не отвечаешь». Это не одно и то же.

Карма усмехнулась, но звук вышел почти без воздуха.

— Ты правда хочешь обсуждать формулировки после конца света?

— Ты моя дочь. Мы всегда обсуждали формулировки, даже когда делали вид, что спорим о другом.

Карма закрыла глаза на мгновение. В старой жизни такая фраза вызвала бы раздражение. Сейчас она ударила почти нежностью.

— Я была ужасной перед Разрывом, — сказала она. — Не только в тот день. Долго. Я отвечала через раз, приезжала редко, злилась на любые вопросы, будто ты виновата, что спрашиваешь. Ты хотела узнать, как я, а я каждый раз слышала: «почему ты не такая, как надо». Может, ты и правда иногда это имела в виду. Но часто — нет. Я знаю. Теперь знаю. Тогда мне было проще думать, что ты просто давишь.

— Я давила, — сказала Лидия. — Не всегда. Но часто. Потому что не знала, как быть рядом иначе, когда ты уже взрослая и всё равно, в моей голове, всё ещё идёшь по улице без шапки, хотя я сто раз сказала. Это глупо звучит.

— Звучит как ты.

— Значит, честно.

Карма провела ладонью по краю стола. Дерево было старое, неидеально гладкое, с маленькими вмятинами от чашек и инструментов. В Р-12 такие поверхности давно бы заменили. В М-6 оставили. Ей вдруг стало важно, что разговор происходит именно здесь, не в белой комнате, не за стеклом, не под красным глазком камеры.

— Что было после? — спросила она. — Когда Разрыв прошёл.

Лидия отвела взгляд к умывальнику, будто там могла увидеть тот день, если смотреть достаточно долго.

— Мы были в нижнем медицинском хранилище. Там толстые стены, старый экран, автономное питание. Я не знаю, спасло ли это нас или просто совпало. Волна прошла через всё. Люди падали. У кого-то сразу начались проявления. Кто-то исчез. В М-6 тогда было больше людей, чем сейчас. Намного больше. Первые часы никто не понимал, что город снаружи — Она остановилась, не договорив. — Мы пытались выйти на связь. Пытались дозвониться домой. Я дозванивалась тебе. Связи не было. Потом узнали про пепел, про пустые районы, про опустошённых. Через два дня отсюда вышла первая поисковая группа. Я хотела идти с ними, но меня не пустили. Тогда я ещё не понимала, что могу делать.

— Твоя адаптация?

— Да. Я порезала руку о разбитую ампулу. Глубоко. Должно было шить, а оно закрылось прямо под пальцами. Потом у мальчика из технического блока началось кровотечение после удара, и я держала его рану, пока ждали врача. Кровь остановилась быстрее, чем должна была. Сначала подумали, что совпадение. Потом совпадений стало слишком много.

— И М-6 тебя принял.

Лидия посмотрела на неё.

— М-6 тогда принимал всех, кто мог стоять на ногах и не рваться наружу. Но да. Меня приняли. Не как чудо. Как руки. Здесь быстро понимаешь разницу. Если ты можешь помочь ране закрыться — тебя ставят туда, где раны открываются чаще всего. Сначала медицинский блок. Потом закрытые зоны. Там моя адаптация не лечит то, что случилось с сознанием, но иногда помогает телу не разрушаться от приступов. Иногда — стабилизирует людей после контакта. Иногда просто даёт им меньше боли на несколько часов.

Карма вспомнила стеклянные отсеки, мужчину с инеем на руках, женщину с зелёными нитями по полу, неподвижную пыль вокруг головы. Мама входила туда каждый день. Не как пленница, не как пациентка, не как случайно выжившая. Как человек, который нашёл себе место в самой тяжёлой части живого контура.

— А домой? — спросила Карма. — Ты возвращалась?

Лидия кивнула, и этот кивок был медленнее прежних.

— Позже. Не сразу. Когда стало можно выходить дальше, я добилась места в поисковой группе. Мы дошли до моего дома. До твоего района не сразу, там были провалы и зоны, куда нельзя было идти без проводников. Дома никого не осталось. Ни близких, ни соседей, кого я знала. Твоя бабушкина квартира была пустая. У Натт с Дэном — Она замолчала, и Карма поняла, что мама знает. Не всё, возможно, но достаточно. — Мы нашли только вещи. Следы. Пепел. Я не нашла тебя. Я не нашла браслет. Я не нашла даже подтверждения, что ты была дома после волны. И это было хуже, чем если бы мне показали — Лидия не закончила. Глаза у неё блестели, но голос удержался. — Я решила, что ты исчезла. Или ушла и погибла позже. Или стала одной из тех, кого уже нельзя узнать. Каждый вариант был таким, что я выбирала другой, пока не уставала.

Карма слушала и чувствовала, как внутри рушится ещё одна удобная конструкция. Всё это время она несла свою потерю, свою пустую квартиру, свои руины, свои найденные вещи. Ей казалось, что это она одна была оставлена среди следов, что мама — возможно пепел, возможно память, возможно неотвеченный звонок, который уже никогда не станет голосом. А Лидия ходила по тем же пустым адресам с другой стороны и тоже не находила её. Их обеих наказали одним и тем же способом: оставили не тело, а отсутствие, в котором воображение каждый день выбирало новую казнь.

— Я была в Р-12, — сказала Карма. — Потом. Не сразу. Сначала я искала Ника. Тину. Натт. Я нашла телефон Ника. Дом Тины был — Она вдохнула, но воздух не стал легче. — Дома не было. Натт и Дэна не было. Котов тоже. Вообще никого не было. Я думала о тебе, но до тебя не дошла. Потом станция, Виктор, Р-12. Они называли меня адаптированной, потом угрозой, потом полезной. Я закрыла их город барьером. Не знаю, слышала ли ты.

— Слышала, — тихо сказала Лидия. — До нас доходят слухи быстрее, чем официальные сведения. Говорили о женщине из Р-12, которая вернула ночь. Я не знала, что это ты.

— Я не возвращала ночь. Просто захотела, чтобы им было не так страшно.

— Это и есть вернуть ночь, если после этого люди смогли спать.

Карма покачала головой. Ей не хотелось принимать это так мягко. Барьер уже забрали себе Р-12, страх, Альберт, слухи, Вольные, М-6. Теперь мама предлагала другую формулировку — не ресурс и не угроза, а ночь для тех, кто не мог спать. Эта формулировка была слишком тёплой, и потому к ней нельзя было сразу прикасаться.

— Меня теперь зовут Карма, — повторила она, хотя Лидия уже приняла. Просто нужно было сказать ещё раз, иначе старое имя снова потянуло бы за собой кухню, телефон, браслет и все «завтра». — Я не могу быть Таей здесь.

Лидия посмотрела на неё так, будто хотела спросить, значит ли это «никогда», но не стала. Вместо этого сказала:

— Я буду учиться. Если собьюсь, поправляй.

— Поправлю.

— И злись, если нужно.

— Я и так злюсь.

— Я вижу.

Эти два слова внезапно оказались почти невыносимыми. Не «понимаю», не «прости», не «рядом». Просто «я вижу». Мама видела её злость и не отступала. В прежней жизни Карма часто ждала именно этого и делала всё, чтобы не дать это получить.

— Я злюсь, что ты жива, — сказала она вдруг, и сама испугалась честности фразы. — Не потому что не хочу. Боже, нет. Я я злюсь, потому что всё это время тебя не было. Потому что я училась жить так, будто тебя нет. Потому что браслет потеряла и почувствовала облегчение. Потому что мне стало легче без того, что напоминало о тебе. А теперь ты здесь, и получается, я должна снова стать человеком, который может потерять мать.

Лидия не изменилась в лице, но пальцы её на столе сжались.

— Ты не должна становиться прежней, Карма.

— Хорошо бы. Прежняя была невыносимая.

— Прежняя была моя дочь.

— А эта?

Лидия ответила не сразу. За дверью кто-то прошёл, тихо сказал что-то Соле, шаги удалились. В маленькой комнате остались только их дыхание и работа М-6 за стенами.

— А эта сидит передо мной, — сказала Лидия. — Значит, тоже моя. Даже если теперь мне нельзя называть её так, как раньше.

Карма отвернулась к окну в технический коридор. Там отражались они обе: Лидия в сером халате, Карма в полевой форме Р-12 без оружия, между ними стол, чашки, банка крема. Две версии одной семьи, прошедшие разными коридорами одного конца света. Она хотела сказать что-то правильное и поняла, что правильного не будет. Поэтому выбрала настоящее.

— Я скучала, — сказала она. — Не всё время. Иногда вообще не могла. Иногда думала о тебе как о задаче: добраться, проверить, узнать. Иногда избегала мысли, потому что если открыть её полностью, я бы не пошла дальше. Но скучала. И боялась, что если найду тебя мёртвой, это будет последнее, что я выдержу.

Лидия тихо выдохнула.

— А я каждый день думала, что если ты жива, то, наверное, ненавидишь меня за то, что я не пришла.

— Я не ненавижу тебя.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Я сама только что узнала.

Лидия улыбнулась краем губ. Улыбка вышла усталой, с поломанным светом, но настоящей.

— Тогда скажи ещё раз, когда узнаешь увереннее.

Карма почти рассмеялась, и этот почти-смех оказался ближе к слезам, чем всё, что было до него. Она протянула руку через стол. Лидия взяла её сразу, но без жадности. На этот раз свечение под пальцами не появилось. Просто рука. Тёплая, живая, знакомая. Карма смотрела на их пальцы и думала, что новое тело могло стереть татуировки, царапины, синяки, голод, усталость, даже часть старых реакций, но оно не смогло стереть то, как ладонь матери ложится поверх её ладони.

— Что теперь? — спросила она.

— Не знаю, — сказала Лидия. — Я бы очень хотела сказать, что теперь всё просто. Что ты останешься здесь, я буду рядом, М-6 даст тебе время, Р-12 не потребует тебя обратно, Вольные не попытаются сделать из тебя знамя, а твоя сила перестанет пугать всех, включая тебя. Но я работаю в закрытом блоке, Карма. Я слишком давно не верю словам, которые делают боль красивее.

— Слишком честно для матери, которая только что нашла дочь.

— Я могу быть честной и всё равно хотеть накормить тебя супом.

— Я не хочу есть.

— Знаю. Регенеративные и сильные неопределённые часто так говорят. Всё равно потом возьмёшь хотя бы хлеб. Не потому что тело просит. Потому что иногда нужно напомнить себе, что ты не только проявление.

Карма посмотрела на неё. В М-6 Лидию приняли не как родственницу координатора, не как случайную выжившую, не как слабую регенеративную с удобной функцией. Её слушали. Сола остановилась по её взгляду. Лиора побледнела не только потому, что встретились мать и дочь, а потому что Лидия была частью этого места, частью закрытого блока, одной из тех, кто держал людей на краю. Мама, которую Карма в старом мире воспринимала через сообщения,

звонки и упрёки, здесь стала специалистом, человеком с доступом, руками, которые закрывали раны другим. Это не отменяло прошлого. Но добавляло к ней новую глубину, и Карма не знала, как быстро можно привыкнуть к тому, что мать тоже пережила собственное становление.

— Они тебя здесь любят, — сказала Карма.

Лидия удивилась.

— Не знаю, правильно ли это слово.

— Принимают.

— Да. Наверное. Я была полезна. Потом стала своей. Здесь это разные этапы. Между ними много ночных смен, чужой крови, горячей воды, плохих решений и людей, которые видят, что ты не уходишь, когда можно было бы. М-6 принимает не быстро. Но крепко, если выдерживаешь.

— А меня?

Лидия посмотрела на дверь, за которой ждали М-6, Р-12, отряд, вопросы Виктора, условия Эдена, осторожность Сола и тёплая мягкость Лиоры, умеющая становиться стальной у нужной панели.

— Тебя пока приняли как гостью, как мою дочь и как человека, которого лучше не пугать без необходимости. Это уже немало для первого часа.

— Звучит почти как комплимент.

— Это М-6. Здесь комплименты тоже экономят.

На этот раз Карма всё-таки тихо рассмеялась. Смех был короткий, неровный, но настоящий. Лидия сжала её руку, и в этом движении не было ни лечения, ни проверки. Только ответ. За дверью кто-то осторожно постучал. Сола открыла не сразу, сначала спросила разрешения, и Карма заметила это с такой остротой, будто речь шла о большой милости, хотя это был всего лишь стук в дверь.

— Виктор спрашивает, сколько ещё времени, — сказала Сола, заглянув внутрь. — Эден готов отложить общий разговор, если Лидии нужно остаться дольше. Но закрытый блок не может долго держать смену без старшего специалиста.

Лидия опустила взгляд на их сцепленные руки и медленно отпустила.

— Пять минут, — сказала она.

Сола кивнула и закрыла дверь. Карма посмотрела на мать.

— Старший специалист?

— Не преувеличивай. Просто я чаще других знаю, где у кого заканчивается кожа и начинается упрямство.

— Это звучит как семейная профессия.

— У тебя всегда было много упрямства.

— А у тебя — привычка говорить очевидное так, будто это диагноз.

Лидия улыбнулась снова, и на этот раз улыбка почти дошла до глаз.

— Я скучала по твоей язвительности.

— Я тоже, — сказала Карма и только потом поняла, что сказала. — Не по своей. По тому, что ты на неё так реагируешь.

Лидия встала первой. Не потому что хотела уйти, а потому что если они останутся сидеть, пять минут превратятся в ещё один способ не делать следующий шаг. Карма тоже поднялась. Мать подошла к ней ближе и поправила ворот её полевой формы. Жест был таким старым, что Карма почти отступила, но не отступила. Лидия заметила и не стала задерживать руку.

— Я больше не буду звать тебя Таей при других, — сказала она. — И наедине тоже постараюсь. Но если однажды сорвётся, это не потому, что я не услышала. Просто я слишком долго искала именно её.

— Карму тоже можно искать, — ответила Карма.

— Я уже нашла.

Карма не знала, что сказать на это. Поэтому молча кивнула. Они вышли из комнаты вместе, и коридор сразу вернул им всех остальных. Отряд стоял не строем, но собранно: Виктор у стены, Агата рядом с ним, Леон чуть дальше, Оскар с руками на груди, Мира у двери, Кай с планшетом, который он не включал, Ровен в тени у панели. Их взгляды встретили Карму иначе, чем до разговора. Не мягко все сразу — нет, это было бы неправдой. Но что-то изменилось. Леон кивнул ей едва заметно, как тогда после сада. Кай не сказал ни слова, хотя губы у него явно собирались сделать это из милосердия к собственному характеру. Мира посмотрела на Лидию, потом на Карму, и в её лице появилась осторожная тишина, похожая на уважение к чужой ране. Оскар коротко буркнул:

— Рад, что нашли живую.

Фраза была угловатая, грубоватая, почти неудобная, но Карма почему-то приняла её легче красивых слов. Агата посмотрела на Лидию уже не как на сотрудника М-6, а как на новую вводную, которую нельзя занести в карту одним значком.

— Ваш статус в М-6? — спросила она.

— Лидия, специалист закрытого блока и регенеративный адаптированный, — ответила мама спокойно. — Если вам нужен официальный ответ.

— А если неофициальный? — спросил Кай, не выдержав.

— Женщина, которая только что нашла дочь и всё равно через пять минут вернётся к смене, потому что там люди за стеклом, — сказала Лидия.

Кай закрыл рот. Потом кивнул, и это был один из редких случаев, когда он ничего не испортил добавлением. Виктор смотрел на Карму внимательно, но не пытался забрать разговор. В его взгляде уже были вопросы: как это влияет на миссию, на Р-12, на М-6, на её лояльность, на решение, которое им предстоит принять после всего увиденного. Но он не задал их сейчас. Возможно, потому что Лидия уже предупредила: не отвечать за неё, если она может ответить сама.

Эден подошёл к ним из конца коридора. Он посмотрел на Лидию, и между ними прошёл короткий молчаливый обмен: не начальник и подчинённая, скорее люди, которые слишком много раз решали, кого можно впустить в боль. Потом Эден повернулся к Карме.

— М-6 не знал, что ты дочь Лидии, когда впускал отряд, — сказал он. — Я говорю это сразу, чтобы этот вопрос не стал ядом позже.

— Но вы знали её, — сказала Карма.

— Да. И теперь это усложняет всё.

— Удивительно. Я думала, после конца света всё должно становиться проще.

Эден посмотрел на неё почти с улыбкой.

— Тогда ты явно получила неверную вводную.

Лидия коснулась плеча Кармы. Быстро, прежде чем снова стать специалистом закрытого блока.

— Мне нужно идти. После смены я найду тебя. Если Эден не придумает, что мир снова требует немедленных решений.

— Я постараюсь удержаться, — сказал Эден.

— Мама, — начала Карма и сама услышала, как в этом слове теперь слишком много просьб.

Лидия остановилась.

— Я здесь, Карма.

Не «я никуда не уйду». Не «всё будет хорошо». Не «теперь мы вместе». Просто «я здесь». После всех больших обещаний, которые новый мир сжёг в первый же день, это оказалось единственной фразой, которой можно было верить хотя бы на несколько минут.

Лидия ушла обратно в закрытый блок. Дверь за ней закрылась мягко, но не так, как двери Р-12. В этом звуке не было клетки. Было место, куда она вернётся, потому что там её

работа. Карма смотрела на закрытую дверь и думала, что теперь внутри неё снова появилось «потом». Не абстрактное, не отложенное до удобного дня, не то старое «завтра», которое так и не наступило, а настоящее, тяжёлое, полное риска. После смены. После разговора с Эденом. После решения, что делать с М-6, Р-12 и данными, которые нельзя просто вернуть назад как отчёт. После всего этого мама найдёт её. Мама жива. Мама знает её новое имя. Мама приняла его. В М-6 есть хлеб, вода, люди без масок, закрытые зоны, страшные правды и комната, где можно говорить не через протокол. Отряд больше не смотрит на неё только как на проблему. Даже Мира молчит иначе. Даже Виктор ждёт.

На мгновение Карма позволила этой мысли подняться полностью. Жизнь могла не вернуться прежней, но, может быть, она могла наконец начать складываться заново — не как Р-12 хотел, не как Вольные требовали, не как М-6 объяснял себе право молчать, а как что-то её собственное, где рядом есть мать, люди, которым она уже не совсем чужая, и место, которое откликнулось раньше, чем она успела попросить.

Эта мысль была тёплой, почти светлой, почти безопасной.

Это была пятнадцатая ложь.

Глава 2

После того как дверь закрытого блока сомкнулась за Лидией, коридор не сразу вернул себе прежний смысл. Он снова стал проходом между отсеками, постами, служебными панелями и людьми, которым было приказано смотреть на всё через протокол, но Карма ещё несколько секунд видела не коридор, а тонкую линию между «до» и «после». До — мать была пустым местом в списке потерь, неотвеченным звонком, браслетом, который исчез и почему-то принёс облегчение. После — мать стояла за дверью, живая, усталая, принявшая новое имя, и через несколько часов должна была снова найти её. Эта простая мысль была почти невыносимой. В мире, где дороги исчезали, контуры отключались, а люди за стеклом ходили кругами внутри собственной потери, у Кармы вдруг появилось «после». Не гарантия, не обещание, не спасение.

Отряд не заговорил сразу. Они все видели слишком многое, чтобы легко подобрать слова, и всё равно каждый по-своему пытался оставить Карме место, в котором она не должна была немедленно становиться функцией миссии. Леон первым коротко кивнул ей, и в этом кивке было то же уважение, с которым он когда-то опустил взгляд в коридоре, позволяя ей и Лидии существовать без чужих глаз. Оскар стоял у стены, скрестив руки на груди, и смотрел так, будто слова для него снова оказались неудобным инструментом, но всё-таки понадобились.

— Я правда рад, — сказал он наконец. — Не умею это нормально формулировать, так что пусть будет так.

— Получилось почти нормально, — ответила Карма.

— Не привыкай.

Кай, который за последние минуты несколько раз открывал рот и закрывал его обратно, поднял палец, будто просил разрешения у самой вселенной.

— Я сейчас могу сказать что-нибудь глупое, чтобы все вернулись в привычное состояние, но, кажется, момент не тот. Поэтому просто: это хорошо. Очень странно, опасно, политически ужасно, технически непредсказуемо и эмоционально выше моей квалификации, но хорошо.

Мира посмотрела на него так, будто обычно именно она должна была остановить подобное, но сейчас не стала. Она стояла чуть в стороне, плечи напряжены, лицо закрыто не холодностью, а осторожностью. После утреннего раздражения, дороги, разговора о Ясме и теперь — после матери, найденной в М-6, — между ними появилось слишком много новых слоёв, чтобы вернуться к простой неприязни.

— Он прав, — сказала Мира. — Не в части квалификации. В остальном. Я рада, что она жива.

Карма кивнула. Эти слова не согрели так, как должны были бы, но легли в неё ровно. Мира не пыталась быть мягкой, не протягивала утешение, которое потом пришлось бы держать обеими руками. Она просто признала факт. Сейчас это было лучше красивой фразы. Агата смотрела на Карму дольше остальных, оценивая уже не состояние, а изменение всей задачи. В её лице не было сентиментальности, но и прежней сухой дистанции стало меньше.

— Это меняет многое, — сказала Агата. — Но не отменяет главного: мы всё ещё в М-6, на их условиях, без оружия, с ограниченной связью и с Вольным, которого нам пока не вернули к его людям. Личное личным, но если сейчас кто-то сорвётся в чувство, мы проиграем сразу всем сторонам.

— Очень трогательно, — пробормотал Кай. — Агата умеет поздравлять так, что сразу хочется проверить ремни и завещание.

— Я умею поздравлять живых, — ответила Агата. — Мёртвым обычно всё равно.

Это прозвучало жёстко, но Карма вдруг поняла, что именно такая жёсткость держит их вместе не хуже тёплых слов. Отряд не стал семьёй за одну дорогу. Не стал безопасным местом.

Но он уже перестал быть набором людей, которые смотрят на неё как на проблему, прикрепленную к Виктору. Каждый из них теперь знал о ней что-то, что нельзя было занести в короткую графу: Леон — её страх действовать слишком поздно, Оскар — её упрямую неспособность уходить, Кай — её попытку учиться точности, Мира — ту часть, где опасность и вина стоят рядом. И теперь все они знали, что у Кармы есть мать за дверью закрытого блока. Это делало её не слабее и не сильнее. Просто сложнее.

Виктор всё это время молчал. Он стоял чуть дальше, чем остальные, и смотрел не на Карму, а на дверь, за которой ушла Лидия. Его лицо оставалось спокойным, но Карма уже достаточно хорошо знала это спокойствие, чтобы не принять его за равнодушие. Виктор редко радовался так, чтобы это было заметно. Он не позволял эмоции занять место раньше вывода. И сейчас вывод явно был тяжелее радости.

— Ты ничего не скажешь? — спросила Карма.

Он перевёл взгляд на неё не сразу. Когда перевёл, в нём не было жестокости, но не было и того простого облегчения, которое она видела у Леона и даже у Оскара. Виктор смотрел на неё как на человека, у которого в руках внезапно оказалось не только чудо, но и новый груз.

— Я рад, что она жива, — сказал он. — Это правда.

— Но?

— Но теперь М-6 для тебя не просто место, куда мы пришли по задаче.

Карма почти улыбнулась, но улыбка не вышла.

— Ты мог бы хотя бы минуту не думать как капитан.

— Не мог бы. Особенно сейчас.

Он не сказал прямо: это будет тянуть тебя назад. Не сказал: мать внутри независимого контура станет рычагом, слабым местом, причиной сомнений и предметом торга, если всё пойдёт хуже. Но Карма услышала это в паузе между фразами. Виктор не был жестоким из-за отсутствия сочувствия. Он был жестоким потому, что видел карту дальше первого поворота. Для него живая Лидия была не только женщиной, которую Карма нашла после месяца пустоты, но и новой линией влияния: М-6 получил лицо, голос, руки, запах крема и право сказать «я здесь». С таким местом невозможно будет обращаться как с пунктом маршрута.

— Я не собираюсь принимать решений прямо сейчас, — сказала Карма.

— Хорошо.

— И не надо смотреть так, будто я уже предала Р-12.

Виктор чуть прищурился.

— Я не думаю, что ты предала Р-12.

— А что думаешь?

— Что у тебя наконец появился человек, ради которого ты сможешь усомниться в любом приказе. Это не плохо, Карма. Но это нужно учитывать.

Ответ был почти честным. И почти мягким. От этого он резал хуже. Карма отвернулась первой, потому что если продолжить, разговор быстро станет тем, к чему она не была готова: обсуждением того, кому она вообще принадлежит после всех контуров, дорог, барьеров, Вольных, М-6 и найденной матери. Ей хотелось сказать, что она не принадлежит никому. Раньше эта фраза прозвучала бы красиво. Теперь она слишком пахла Вольными, Р-12 и всеми людьми, которые используют свободу как удобный нож.

Эден дал им не больше нескольких минут. Он тоже понимал, что коридор закрытого блока не место для долгих разговоров, даже если этот коридор только что стал центром чужой жизни. Его лицо снова собрало привычное спокойствие, но Карма заметила, что после встречи с Лидией оно уже не полностью возвращается на место. Эден был из тех людей, которые умеют закрывать трещины, пока другие смотрят на них. Но теперь одна трещина прошла слишком близко к нему самому.

— Нам нужно решить следующий шаг, — сказал он. — Общий разговор можно отложить ещё на час, но не больше. Закрытый блок требует смены, а ваш отряд требует ясности.

— Первое, что требуется моему отряду, — связь с Р-12, — сказал Виктор. — Мы уже нарушили достаточно правил, чтобы не добавлять к этому молчание.

Эден посмотрел на него внимательно.

— Вы вошли в М-6 под нашими условиями. Оставили оружие. Приняли ограничение связи. Прошли закрытые зоны. Взяли в маршрут представителя Вольных. Теперь нашли личную связь с сотрудником внутреннего блока. Да, с точки зрения Р-12 у вас длинный список нарушений.

— Именно поэтому я должен доложить.

— Постоянную линию мы не восстановим.

— Я не прошу постоянную.

— А что просите?

— Узкий канал. Один пакет. Фактический отчёт о состоянии М-6, условиях контакта и изменениях миссии. Без попытки влезть в вашу внутреннюю сеть. Без координат закрытых зон. Но с достаточной информацией, чтобы Р-12 понял: мы живы, вы живы, связь отключена намеренно, конфликт пока не начат.

Эден молчал. И в этом молчании Карма вдруг увидела то место, где Виктор мог бы сделать иначе. Ему не нужно было кричать, давить ладонью на панель, угрожать М-6 или вызывать Агату вперёд. Достаточно было сказать чуть жёстче, чуть ниже, вложить в голос ту самую силу, которая однажды заставила Карму спрятаться быстрее мысли. «Открой канал». «Разреши передачу». «Не мешай отчёту». Слова могли бы войти в Эдена не как просьба, а как готовое решение, и, возможно, дверь связи открылась бы. Виктор это тоже знал. Карма увидела, как на секунду меняется его дыхание, как фраза почти становится чем-то большим, чем фраза, и как он останавливает себя раньше, чем звук успеет получить лишний вес.

Эден, кажется, тоже что-то почувствовал, потому что его взгляд стал холоднее.

— В М-6 голосовое воздействие на координатора будет расценено как нарушение договора, — сказал он.

— Я его не применяю, — ответил Виктор.

— Я заметил.

— Тогда не говорите так, будто я уже это сделал.

— Я говорю так, будто оба понимаем, что вы могли.

На этот раз Виктор не спорил. И именно это молчание было сильнее любого обещания. Он мог воспользоваться адаптацией, но не сделал этого. Не из слабости, не из нехватки решимости, не потому что Эден был ему симпатичен. Потому что была договорённость. Потому что если он начнёт ломать чужие решения голосом здесь, внутри М-6, вся миссия превратится в доказательство худших страхов этого места о Р-12. Карма вдруг подумала, что у Виктора контроль проявляется не тогда, когда он заставляет людей слушаться. А тогда, когда может заставить — и выбирает не делать.

Эден опустил взгляд на панель у стены, затем сказал:

— Один пакет. Под наблюдением нашего связного и вашего техника. Без автоматического восстановления обратного канала. Ответ Р-12, если он придёт, будет принят в буфер и показан после проверки на стабильность. Мы не дадим внешнему сигналу проходить напрямую через внутреннюю линию М-6.

— Принято, — сказал Виктор.

— И ещё. Рок покинет М-6 до передачи. Его часть сделки выполнена: он довёл вас до наших ворот. Мы не будем держать Вольного внутри дольше необходимого.

— Он должен вернуться к своим? — спросила Агата.

— Он должен выйти за наш периметр. Что он будет делать дальше — его дело.

— Он был проводником нашего маршрута, — сказал Виктор. — Если мы будем возвращаться тем же путём, он может понадобиться.

— Если разговор между М-6 и Р-12 не сорвётся, вам не придётся возвращаться тем же путём, — ответил Эден. — Если сорвётся, Рок может оказаться меньшей из ваших проблем.

Это было не угрозой. Скорее сухой констатацией человека, который слишком хорошо знает, сколько дверей может закрыться за один день.

Комнату связи М-6 показали им не через общий дом, а через боковой технический коридор. Это было маленькое помещение с низким потолком, двумя стойками оборудования, ручной панелью и толстым стеклом, за которым сидела женщина средних лет с короткими седыми волосами и маленьким зелёным огоньком у виска — не украшением, а встроенным индикатором рабочего проявления. Кай сразу оживился, потом вспомнил, где находится, и постарался выглядеть умеренно. Получилось плохо.

— У вас буфер на старой аналоговой прослойке? — спросил он, почти забыв, что пришёл не на экскурсию.

Женщина за стеклом посмотрела на него поверх очков.

— У нас буфер на том, что не сходит с ума от каждого красивого цифрового сбоя. Если умеешь работать руками, подходи. Если только восхищаешься, стой там и не дыши на контакты.

Кай обернулся к Карме.

— Я, кажется, влюбился в коммуникационную инфраструктуру.

— Потом, — сказала Агата.

— Все против моей личной жизни.

Пока Кай и связная М-6 настраивали узкий канал, Виктор стоял у стола и формулировал отчёт. Он не писал сразу. Сначала говорил тихо, почти беззвучно, собирая последовательность так, будто каждое слово должно было пройти через будущий допрос, внутренний суд, военный разбор и память тех, кто стоял рядом. Карма видела, как Агата слушает и иногда коротко уточняет детали, как Леон держится у двери, как Оскар не скрывает, что ему не нравится находиться без оружия в чужом техническом помещении, как Мира прислоняется к стене и смотрит в пол, явно думая не о связи, а о закрытых зонах. Ровен стоял у самой дальней панели и, кажется, слушал не людей, а само помещение. Рок уже должен был быть на выходе.

Виктор наконец нажал запись.

— Р-12, приёмный узел внутренней безопасности, сообщение от капитана Виктора, отряд внешней очистки, маршрут М-6. Передача через ограниченный буфер М-6, постоянная линия не восстановлена. Отряд в полном составе жив, серьёзных потерь нет. Вольный по имени Рок сопровождал группу от внешней баррикады до М-6 согласно временной договорённости, после входа в контур выводится за периметр М-6. По пути обнаружены организованные маркировки Вольных, следы контролируемого демонтажа ретрансляторов, исправный узел связи с ручным отключением и признаки устойчивого внешнего движения вне сети контуров. М-6 функционирует. Вода, малая энергосеть, теплицы и внутренние службы работоспособны. Население сокращено, но организовано. Внешняя связь отключена намеренно по решению М-6; восстановление в настоящее время ими не разрешено.

Он сделал паузу, но не выключил запись. Карма почувствовала, что сейчас начнётся часть, после которой обратной дороги к простой версии уже не будет.

— М-6 заявляет причиной отключения опасность, связанную с постконтактными адаптированными и реакцией некоторых нестабильных на внешние сигналы. В закрытых зонах содержатся люди после контакта с носителем неизвестного проявления, способного вызывать опустошение или сходные состояния. М-6 утверждает, что первый носитель устранён. Закрытые зоны существуют, условия содержания визуально подтверждены. Опустошённые и постконтактные не используются как боевой ресурс М-6. Отдельно: внутри М-6 обнаружена Лидия,

специалист закрытого блока, регенеративный адаптированный. Она является матерью Кармы. Связь родства подтверждена личным узнаванием. М-6 заявляет, что не знал о родстве при допуске отряда. Карма стабильна. Конфликтов с её участием после обнаружения родства не зафиксировано.

Карма медленно подняла взгляд на него. «Карма стабильна» прозвучало почти смешно, если вспомнить, как несколько минут назад она смотрела на дверь закрытого блока и пыталась удержать внутри всю невозможность слова «мама». Но для Р-12 это было важно. Не «Карма нашла мать». Не «Карма хочет остаться и говорить». Не «Карма снова стала человеком, которого можно потерять». Стабильна. Жива. Не сорвалась. Не разрушила коридор, не поставила барьер над М-6, не приказала миру вернуть старое имя. Виктор докладывал не о её боли, а о рисках. Это было правильно. И почти обидно.

— М-6 принимает отряд как гостей под договором. Оружие опечатано у внешнего поста. Передвижение ограничено сопровождением. Дальнейшие переговоры с координатором Эденом продолжаются. Запрашиваю инструкцию по режиму взаимодействия с автономным контуром, но предупреждаю: прямое давление, требование немедленного восстановления линии или попытка принудительного вывода людей из М-6 может привести к конфликту. До получения ответа действую по обстановке с приоритетом сохранения состава отряда, предотвращения столкновения и получения данных. Конец сообщения.

Он отпустил кнопку. Комната несколько секунд молчала. Даже Кай не сказал ничего. Связная М-6 проверила запись, посмотрела на Эдена, получила короткий кивок и отправила пакет. На панели загорелась узкая жёлтая полоска, пошла вправо, остановилась почти у конца, мигнула, погасла, затем стала зелёной.

— Пакет ушёл, — сказала она. — Подтверждение буфера получено. Прямого ответа пока нет.

— Сколько ждать? — спросила Агата.

— Если Р-12 принимает на внешнем узле, от нескольких минут до нескольких часов. Если линия с их стороны перегружена или они решат проверять пакет вручную — дольше. Если они попытаются открыть обратный канал силой, буфер срежет передачу.

— Они попытаются, — сказал Кай.

— Тогда буфер срежет передачу, — повторила связная.

Виктор посмотрел на Эдена.

— Вы понимаете, что для Р-12 это будет выглядеть как удержание отряда.

— Для Р-12 многое выглядит как удержание, если дверь не открывается по его команде, — сказал Эден. — Ваш отчёт ушёл. Этого достаточно для первой честности.

— Первой?

— Другие потребуют разговора, а не пакета.

Карма вышла из комнаты связи позже остальных. Ей казалось, что после отправленного отчёта станет легче: факты ушли в Р-12, миссия перестала висеть в пустоте, Стефан и Оливия, возможно, хотя бы услышат через чужие цепочки, что она жива, что М-6 не мёртва, что Лидия существует. Но вместо облегчения пришло раздражающее чувство нехватки. Отчёт Виктора был точным, нужным, даже честным в пределах своей задачи. И совершенно не тем, что Карма хотела сказать.

Она не хотела, чтобы Стефан узнал о её матери строкой в передаче: «обнаружена Лидия, специалист закрытого блока, регенеративный адаптированный». Она хотела сказать ему это самой, сидя за столом, возможно, с пустым стаканом или хотя бы с тем выражением на его лице, которое появлялось, когда он пытался шутить и одновременно не лезть в боль. Хотела услышать, как он скажет что-нибудь неуместное и точное, вроде того, что её талант находить политические осложнения достиг семейного уровня. Хотела рассказать Оливии не как врачу и не как человеку, который отмечает показатели в планшете, а как той, кто на арене однажды

сказала: «Я не пришла тебя отключать. Я пришла вывести тебя отсюда». Хотела сказать: моя мама жива, и я не знаю, что теперь делать с этим счастьем. Хотела рассказать про М-6, про хлеб, про людей без масок, про закрытые зоны, про Вольных на дороге, про Рока и Варга, про Лидию, которая приняла имя «Карма» так осторожно, будто держала хрупкое стекло. Не отчётом. Не формулировками. Обычным разговором, в котором можно сбиться, разозлиться, рассмеяться не в том месте и не думать, что каждое слово станет частью чьего-то решения.

Но Р-12 был далеко. Между ними лежали туман, чужие дороги, отключённые линии, договоры М-6, отчёты Виктора, охрана, старые правила и новые страхи. Даже если канал ответит, ей не дадут занять его личным разговором. Даже если дадут, Стефан и Оливия услышат её через фильтр связи, рядом с чужими людьми, в режиме, где любое личное слово сразу станет информацией. И уж точно никто не отпустит её одну обратно в Р-12 только потому, что ей нужно не доложить, а рассказать. Карма почти физически почувствовала невозможность: слишком далеко, слишком много дверей, слишком много глаз, слишком много тех, кто решит, что сейчас не время для обычных разговоров.

И именно тогда Рок появился рядом.

Не внезапно — Карма не вздрогнула. Скорее она почувствовала, что пространство у бокового лестничного пролёта перестало быть пустым, и только потом увидела его в тени между двумя техническими шкафами. Он должен был уже выйти за периметр или как минимум ждать у внешнего поста. Вместо этого стоял здесь, без оружия, с тем же раздражающе спокойным лицом, будто М-6 само решило уступить ему пару лишних минут. За углом слышались голоса отряда, но сюда они не доходили полностью; старая лестница глушила звук, а вентиляция рядом шумела достаточно ровно, чтобы закрыть тихий разговор. Камеры здесь не было. Или Карма не увидела её. В М-6, в отличие от Р-12, не всё смотрело на человека сверху, и сейчас это впервые показалось не доверием, а прорехой, которой Рок умел пользоваться.

— Тебя вывели, — сказала Карма.

— Меня выводят, — ответил он. — Это процесс. В нём иногда бывают повороты.

— Если тебя найдут здесь, будет проблема.

— У тебя талант собирать проблемы быстрее, чем я. Одной больше никто не заметит.

Карма хотела позвать кого-нибудь. Должна была. Вольный, нарушивший условия М-6, стоял в служебном углу, куда ему точно не следовало попадать, а она после всего, что видела, всё ещё разговаривала с ним вполголоса. Но Рок не выглядел пришедшим за сделкой, угрозой или попыткой утащить её через боковую дверь. Он выглядел человеком, который слишком долго молчал и теперь решил потратить последние минуты на фразу, которую не стоит говорить при свидетелях.

— Что тебе нужно? — спросила Карма.

— Чтобы ты не поверила первой удобной версии о себе.

— У меня их уже слишком много. Уточни.

Рок посмотрел на неё так, будто именно этот ответ его устроил.

— Твоя сила не такая, как кажется Р-12. И не такая, как её удобно бояться М-6.

Карма не ответила сразу. Внутри не поднялось ни возмущения, ни доверия. Только внимание.

— Все вдруг стали специалистами по моей адаптации.

— Специалисты любят смотреть на результат. Голос прозвучал — тварь ушла. Слово сказано — тело разорвало. Желание возникло — город закрылся. Они думают, что главное в твоей силе — масштаб. Или голос. Или опасность. Это не главное.

— А что главное?

— Форма.

Слово прозвучало просто. Не как открытие, не как пророчество, не как лозунг Вольных. Рок сказал его почти буднично, будто речь шла о том, как правильно держать нож или завязать ремень.

— Форма? — повторила Карма.

— Ты не приказываешь миру в общем. Ты задаёшь ему условие. Иногда грубо, потому что сама не успеваешь понять, что делаешь. Иногда слишком широко, потому что тебе страшно. Но когда условие точное, сила работает точнее. Ты удержала плиту у канала, потому что хотела не «спасти всех» и не «быть полезной», а чтобы бетон держался достаточно долго. Это маленькое условие. Поэтому оно не разнесло половину дороги.

Карма вспомнила наклонённую плиту, руку Кая на её рукаве, трещины, которые замедлились под её словом. Тогда действительно не было грома внутри, не было огромного желания закрыть весь город, не было ярости на арене. Было только «пока нет». Удержать. Не дать упасть. Ненадолго.

— Ты видел это?

— Достаточно.

— И сделал вывод?

— Я умею смотреть, когда люди пытаются не смотреть.

Её раздражало, что он говорит так уверенно. Ещё сильнее раздражало, что в его словах было то, что совпадало с её собственными ощущениями. Оливия говорила похоже, но осторожнее: возможно, сила откликается на внутреннее состояние, возможно, дело в совпадении воли и команды. Рок не говорил «возможно». Он говорил так, будто уже знает.

— Если она такая управляемая, почему я чуть не остановила арену целиком? — спросила Карма.

— Потому что тебе дали не задачу, а боль. Ты решила не управлять, а прекратить. Мир выполнил честно. Очень грубо, но честно.

— Удобно звучит. Значит, виноваты они?

— Нет. Виноваты все, кто думал, что сильную адаптацию можно понять, если нажать на самое больное место и записать, что случится. Но это не освобождает тебя от ответственности. Если ты знаешь, что дверь открывается от настоящего желания, учишься выбирать желание до того, как тебя прижмут к стене.

Карма смотрела на него и вдруг поняла, почему Рок не произносит это при Викторе, Агате, Эдене или Лиоре. При свидетелях такая фраза сразу стала бы инструментом. Р-12 назвал бы её методикой контроля. М-6 — способом бережной настройки. Вольные — доказательством, что сила должна учиться вне стен. А сейчас, здесь, в шуме вентиляции, это была просто опасная мысль, отданная ей без упаковки.

— Ты говоришь так, будто это можно тренировать.

— Можно.

— Без арены, без протоколов, без того, чтобы кто-то ставил передо мной вещи Ника и Тины?

— Именно так и нужно. Иначе ты научишься не управлять, а отвечать на насилие. Это разные вещи.

Карма медленно выдохнула. Ей захотелось спросить сразу десять вопросов, но один оказался главным.

— Откуда ты это знаешь?

Рок посмотрел в сторону коридора. Там, за стеной, кто-то прошёл, голоса стали ближе и снова отдалились. У него было время ответить. Он мог сказать: видел другого такого. Мог сказать: Вольные знают больше, чем Р-12. Мог назвать имя, место, ошибку, смерть. Но он не сделал ни одного из этих вариантов. Просто посмотрел на Карму снова, и в серых глазах не было ни насмешки, ни привычной колкости. Только закрытая дверь.

— Не спрашивай у людей ответы, которые они ещё не готовы пережить второй раз.

— Это не ответ.

— Да.

— Рок.

— Ты всё равно запомнишь вопрос. Пока этого достаточно.

Он отступил первым. Не резко, не как человек, которого застали, а так, будто разговор закончился ровно в том месте, где должен был. Карма шагнула бы следом, но услышала голос Сола за дальним поворотом, и Рок уже исчез в боковом проходе, который снаружи выглядел как закрытый сервисный шкаф. Через секунду створка встала на место, и коридор снова стал обычным. Карма осталась одна у лестницы, с вопросом, который не получил ответа, и с ощущением, что ей только что дали не помощь, а карту без подписей.

Когда она вернулась к остальным, Рока уже официально выводили через внешний двор. Сола стояла у двери, Лиора говорила что-то сопровождающему, Эден смотрел на происходящее спокойно. Рок прошёл мимо Кармы на расстоянии нескольких шагов и не посмотрел на неё. Ни жеста, ни намёка, ни тени того разговора. Для всех остальных он был просто Вольным, выполнившим часть сделки и покидающим М-6. Карма поняла: если она сейчас сама не расскажет, никто никогда не узнает, что между ними были эти несколько минут. И рассказывать она не собиралась. Не потому что доверяла Року. Потому что вопрос был ещё слишком новым, чтобы отдавать его тем, кто сразу захочет превратить его в вывод.

Отряд собрался в общем зале ближе к вечеру, если в М-6 вообще можно было доверять местному времени. Снаружи свет не менялся так, как под барьером Р-12, но внутри люди М-6 жили по часам, по сменам, по расписанию воды, кухни, постов и закрытого блока. Лидия всё ещё была на смене. Эта мысль возвращалась к Карме каждый раз, когда она видела серый коридор за стеклянной дверью или слышала внутренний сигнал закрытой зоны. После смены. Потом. Мама найдёт её. Мама жива. И от этого любая другая информация становилась одновременно важнее и дальше.

Виктор стоял у карты вместе с Агатой и Эденом. Они обсуждали, что именно может быть передано Р-12, на каких условиях и когда. Кай сидел за столом с чашкой чая и что-то записывал в планшет, время от времени поднимая глаза на Лиору, которая объясняла ему схему внутреннего буфера. Леон и Оскар тихо говорили у окна; Карма слышала только обрывки — про закрытые зоны, про то, что «так нельзя» и «а если иначе никак». Мира сидела отдельно, но не изолированно: рядом с ней лежала кружка, которую, похоже, принесла Сола, и Мира её не отодвинула. Ровен стоял у стеллажа с бумажными журналами М-6 и читал подписи на корешках так внимательно, будто в них могло быть что-то важнее официальных отчётов.

Карма подошла к Каю. Он поднял взгляд.

— Ты выглядишь так, будто хочешь спросить, можно ли украсть схему связи и отправить её Стефану в подарок, — сказала она.

— Я бы никогда не украл схему связи, — возмутился Кай. — Я бы сделал копию. Это принципиально разные уровни преступления.

Лиора улыбнулась, но тут же отвлеклась на зов из соседнего коридора. Кай проводил её взглядом и стал серьёзнее.

— Ты как?

— Не знаю.

— Этот ответ набирает популярность в нашем отряде. Возможно, я предложу его как официальный статус.

— Тогда я стабильна в пределах незнания.

— Уже звучит как медицинская форма Р-12. Оливия бы оценила.

Имя ударило неожиданно мягко. Карма посмотрела на него, потом на чашку в его руках. Чай пах травами, немного дымом и чем-то сладким. Она вдруг так ясно представила Оливию,

что на секунду стало почти больно: медные волосы, облезлая белая лиса на бейдже, быстрый взгляд, способность входить в самый опасный момент и говорить так, чтобы воздух становился менее острым. Потом — Стефан. Он стоял в памяти не как сын Верховного судьи и не как судья без кабинета, а у её круглого стола, с пустой бутылкой виски, с повязкой на руке и фразой: «Если не можешь сказать правду целиком, хотя бы не ври о причине».

— Я хочу им рассказать, — сказала Карма тихо.

Кай не стал уточнять, кому. Возможно, понял по лицу.

— Стефану и Оливии?

— Да. Не через Виктора. Не через отчёт. Не так, чтобы кто-то услышал «Лидия, специалист закрытого блока» и решил, что этого достаточно. Я хочу сказать им нормально. Как людям. Про дорогу. Про Вольных. Про М-6. Про маму. Про то, что я не знаю, радоваться мне или бояться сильнее. Про то, что Рок сказал — Она остановилась.

Кай не стал цепляться за последнюю фразу. И за это Карма была ему благодарна.

— Нормальный разговор сейчас сложно организовать, — сказал он осторожно.

— Невозможно.

— Я не говорил «невозможно».

— Зато я говорю. До Р-12 далеко. Канал под контролем М-6, если вообще ответит. Меня не пустят одну, даже если я попрошу. Виктор не даст, Агата тем более. Эден не откроет линию ради личного разговора. А если я отправлю сообщение, оно станет частью отчёта ещё до того, как Стефан его услышит. Оливия, возможно, прочитает показатели раньше слов. Это не разговор.

Кай молчал. На этот раз без шутки. И именно из-за этого тишина стала честной.

— Может быть, потом, — сказал он наконец.

Карма усмехнулась.

— Самое опасное слово в моей жизни.

— У нас оно тоже часто ведёт себя подозрительно.

Она отошла к окну, прежде чем разговор стал слишком тёплым. За стеклом М-6 жил своим вечерним ритмом: кто-то нёс ящик к теплицам, у дальнего поста сменялись дежурные, в одном окне зажгётся жёлтый свет. Где-то за стенами был Рок, уже, возможно, выведенный к внешнему периметру. Где-то внутри закрытого блока Лидия заканчивала смену или продолжала держать чью-то руку, помогая телу вспомнить, как закрываться. Где-то далеко Р-12 мог уже принимать пакет Виктора. Стефан мог стоять в кабинете, коридоре, на арене или у отцовского стола, слушая сухую формулировку о том, что Карма нашла мать внутри автономного М-6. Оливия могла смотреть на показатели барьера и пытаться понять, почему связь с ней снова стала не медицинской, а человеческой. А Карма стояла здесь, за чужим окном, и думала, что между желанием сказать и возможностью сказать лежит слишком много мира.

Она почти смирилась с этим. Почти убедила себя, что нормальный разговор невозможен, потому что нормальность вообще закончилась вместе со старым небом, и теперь всё личное должно идти через каналы, отчёты, сопровождение, ограничения, чужие решения, далёкие дороги и разрешения тех, кто считает себя ответственным за безопасность. Она сказала себе, что не сможет рассказать Стефану и Оливии по-настоящему, пока не вернётся в Р-12, если вообще вернётся. Что никакая сила не делает близость короче, если между людьми стоят контуры. Что иногда нужно просто ждать правильной дороги, правильного канала, правильного времени. Эта мысль звучала разумно, взросло и почти спокойно, а значит, Карма должна была настроиться сразу; вместо этого она позволила ей на минуту стать опорой, потому что очень устала стоять без опор. И всё-таки это была шестнадцатая ложь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.